

ВИДЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В ГЕРМАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕКОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОМАТИЧЕСКИХ И ГЛАГОЛЬНЫХ ФЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ)

Стаття присвячена порівняльному дослідженню основних видів глобальних семантичних перетворень компонентного складу соматичних та дієслівних фразеологічних одиниць трьох найбільш поширених сучасних германських мов: англійської, німецької та шведської, й з'ясуванню типів їх міжмовних фразеологічних відповідностей.

Ключові слова: *типологічна фразеологія, фразеологічна одиниця (ФО), семантична трансформація, компонент, германські мови.*

Проблема семантической трансформации компонентного состава фразеологической единицы является одной из наиболее актуальных проблем теории фразеологии, начиная с самого периода ее отделения от лексикологии и становления как самостоятельной лингвистической дисциплины [1, 4; 13, 109]. Особую актуальность приобретает данная проблема на современном этапе развития общей и специальной фразеологии и такого ее аспекта, как сравнительно-сопоставительная и типологическая фразеология генетически соотнесенных языков [6; 12]. В этой связи подчеркнем роль трудов по сопоставительной типологии В. Н. Ярцевой [16, 203; 17, 3] и В.Д. Аракина [2-4], которые оказали огромное влияние на формирование сопоставительно-типологической научной парадигмы в отечественной и мировой лингвистике.

Данное исследование проводилось на основе выборки из современных толковых словарей идиом и фразеологических словарей английского, немецкого и шведского языков, как дефиниционных, так и переводных: двуязычных и полиязычных [8; 15; 18; 20-23].

Практика исследования убеждает в том, что специфика фразеологической семантики и её глубинного языкового механизма не может быть адекватно раскрыта без учёта переосмысления как важнейшей семантической категории, определяющей во многих отношениях характер фразеологической номинации. Рассматривая семантический перенос как доминирующее свойство структуры значения фразеологизмов, принимаем в качестве основы наших рассуждений трактовку этой семантической категории, предложенную профессором А. В. Куниным: «Под переосмыслением понимается семантическое преобразование буквального значения речевого или языкового прототипа фразеологизма, создающее фразеологическую абстракцию. Переосмысление – один из способов отражения действительности в сознании человека – связан с воспроизведением особенностей отражаемых предметов на основе установления связи между ними» [9, 146-147]. Развивая эту мысль, А. М. Каплуненко указывает, что переосмысление характеризуется переходом смысловых функций от одного денотата языковой единицы к другому денотату, представляющему собою абстракцию от первого [7, 15].

В исследовании семантики избранных фразеологических единиц опираемся также на концепцию фразеологической абстракции, предложенную А. М. Мелерович в конце 70-х г.г. XX в. [10, 46-55] и дополненную трудами И. М. Гунченко [5] и Т. Н. Федуленковой [14, 146; 19, 42-54].

Семантический анализ сопоставляемого языкового материала показывает, что семантическая зашифровка денотата исследуемых фразеологических единиц английского, немецкого и шведского языков осуществляется, в основном, посредством четырёх видов глобальных семантических трансформаций компонентного состава ФЕ, а именно: посредством:

а) метафоризации: англ. cast the first stone at smb, bite off one's nose, нем. den ersten Stein auf j-n werfen, jemandem auf der Nase herumtanzen, швед. kasta första stenen på ngn, hålla sin tunga i styr,

б) метонимизации: англ. to fold one's hands, make (pull) a long face, нем. die Hände in den Schoß legen, ein langes Gesicht machen, швед. sitta med armarna i kors, bli lång i ansiktet,

в) синекдохизации: англ. hear with one's own ears, to an educated eye, нем. mit (seinen) eigenen Ohren hören, für deutsche Ohren, швед. höra med sina egna öron, för elak tunga,

г) гиперболизации: англ. din into smb's ears, can/ could be counted on the fingers of one hand, нем. j-m die Ohren volljammern/ vollheulen, an jeden Finger zeh'n becommen, швед. tuta något i öronen på någon, ha tre på vart finger,

которые охватывают, соответственно, 17,4%, 36,2%, 23,2% и 23,2% эквивалентных фразеологизмов изучаемых германских языков.

Изучение способов семантической зашифровки денотата исследуемых ФЕ путём сопоставления значения той или иной фразеологической единицы со значением её генетического прототипа – переменного сочетания слов – позволяет определить характер глобальной мотивированности

ФЕ. Глобальная мотивированность, как показывает изучаемый материал, не противоречит компонентной мотивированности сопоставляемых фразеологических единиц, а формируется на её основе: англ. *turn up one's nose at something*, нем. *die Nase rümpfen*, швед. *rynka på näsan åt något*, и др.

Семантическое преобразование компонентного состава фразеологических единиц сопровождается чаще всего актуализацией функциональных сем соматических компонентов, что обуславливает высокую степень сходства образности соматических ФЕ сопоставляемых языков за счёт лингвистических факторов – аспектной и функционально-смысловой соотнесённости, а также за счёт таких экстралингвистических факторов, как функциональное единство органов чувств, универсальная значимость жестов и мимики, их сходная роль в социальной символической: англ. *wring one's hands*, нем. *die Hände ringen*, швед. *vrida sina händer*, и многие другие.

Абсолютное большинство сопоставляемых соматических и глагольных фразеологизмов демонстрирует единство образной основы: англ. *not to believe one's own eyes*, нем. *seinen Augen nicht trauen*, швед. *inte tro sina ögon*, и др. Наблюдаемые в редких случаях частичные расхождения в образности более характерны для метафорических и метонимических ФЕ, например: англ. *wash one's hands*, нем. *seine Hände in Unschuld waschen*, швед. *två sina händer*, англ. *to throw dust in one's eyes*, нем. *jemandem Sand in die Augen streuen*, швед. *slå blå dunster i någons ögon*. Такие расхождения, как правило, находят своё материальное выражение в характере глагольных, несоматических именных и предложных компонентов, что подтверждает вывод о ведущей роли соматического компонента в формировании значения фразеологической единицы.

В соответствии со специфическими характеристиками переосмысления компонентного состава ФЕ исследуемый материал позволяет выделить 6 групп метафорических соматических ФЕ, 5 групп метонимических соматических ФЕ, 5 групп синекдохических соматических ФЕ и 4 группы гиперболических соматических ФЕ, что свидетельствует о преобладании общих черт в структуре и семантике соматической подсистемы фразеологических единиц изучаемых германских языков.

Способность гиперболических соматических ФЕ исследуемых языков выражать полярные крайние степени проявления признака тех или иных действий и явлений (например, англ. *be all eyes – if you had half an eye*, нем. *ganz Auge sein – beide Augen zudrücken*, швед. *vara idel öga – stänga någon's ögon*) даёт возможность выдвинуть имплицативную универсалию: если в языке есть средства выражения крайней степени проявления признака, маркированной положительно, то в нём есть и средства выражения противоположной крайней степени проявления признака, маркированной отрицательно.

Во всех основных видах семантических трансформаций компонентного состава ФЕ наблюдаются случаи со сходной в сопоставляемых языках линией фразеологической деривации, ведущей к образованию эквивалентных ФЕ третичной фразеологической номинации. Так, например, переносные сочетания англ. *hand in hand*, нем. *Hand in Hand*, швед. *hand i hand* со значением «рука в руке», претерпевая первичную фразеологизацию, получают значение «рядом», а в результате вторичной фразеологизации, вызванной преимущественной сочетаемостью указанных ФЕ с глаголом движения *go – gehen – gå*, они приобретают значение «протекать одновременно, согласованно».

В процессе исследования выявлено 10 типов межъязыковых соответствий сопоставляемых соматических фразеологических единиц трёх германских языков: английского, немецкого и шведского:

- тождественные ФЕ – 1,6 % (от общего количества всех эквивалентных
- ФЕ четырёх видов семантической трансформации компонентного состава),
- межъязыковые лексические варианты – 2%,
- межъязыковые морфологические варианты – 22,4%,
- межъязыковые лексико-морфологические варианты – 38,4%,
- межъязыковые лексико-морфолого-квантитативные варианты – 9,6%,
- межъязыковые морфолого-квантитативные варианты – 1,2%,
- межъязыковые морфолого-синтаксические варианты – 2,8%,
- межъязыковые лексико-морфолого-синтаксические варианты – 13,6%,
- межъязыковые лексико-квантитативные варианты – 0,8%,
- межъязыковые синонимы – 7,6%.

Полученное в результате исследования процентное соотношение указанных типов межъязыковых соответствий соматических ФЕ свидетельствует о том, что наименьшие различия изучаемых ФЕ в сопоставляемых языках наблюдаются в области их структурной организации и наибольшие различия – в области морфологического оформления компонентов. Что касается лексических различий, то они, в основном, заключаются в наличии разнокоренных глагольных и предложных компонентов в составе сопоставляемых фразеологических оборотов.

Наряду с выраженной у отдельных фразеологических единиц асимметрией плана выражения и плана содержания выделяются и некоторые группы ФЕ с повышенной детерминирован-

ностью фразеологического значения прямым значением соответствующего генетического прототипа – переменного сочетания слов, лежащего в основе фразеологизма: англ. *not to believe one's ears*, нем. *seinen Ohren nicht trauen*, швед. *inte tro sina öron* и др. Такая детерминированность особенно характерна для метонимических и, прежде всего, синекдохических фразеологических единиц трех сопоставляемых языков.

Высокая степень общности семантики ФЕ сопоставляемых языков объясняется тем, что большинство исследуемых ФЕ принадлежит к «натуральным», по терминологии А.Д. Райхштейна, оборотам, основанным на общих для всех людей ситуациях и, следовательно, способным возникать независимо друг от друга в разных языках с одинаковым значением и аналогичной деривационной базой, в отличие от «конвенциональных» ФЕ [11, 44-45], которые связаны с культурно-историческими, социальными и другими особенностями развития конкретной общности людей и поэтому не имеют аналогов в дальнородственных языках.

Проведенное исследование показывает, что пространство соматической и глагольной фразеологии в английском, немецком и шведском языках характеризуется в межъязыковом плане преобладанием общих черт над специфическими как в их структуре, так и в семантике.

Список использованных источников

1. Авалиани Ю. Ю. Семантическая структура слов-компонентов и семантическая структура фразеологических единиц (на материале индоевропейских языков) / Ю. Ю. Авалиани // Бюллетень по фразеологии № 1: Труды СамГУ им. А. Навои. – Самарканд, 1972. – Вып. 234. – С. 4-12.
2. Аракин В. Д. Сопоставительная типология скандинавских языков / В. Д. Аракин. – М. : Высш. шк., 1984. – 172 с.
3. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – Л. : Просвещение, 1979. – 259 с.
4. Аракин В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ...д-ра филол. наук в форме науч. докл. / В. Д. Аракин. – М., 1983. – 38 с.
5. Гунченко И. М. Имплицитный компонент фразеологической семантики в современном английском языке: (На материале субстантив. фразеологических единиц): Дис. ... канд. филол. наук / И. М. Гунченко. – М., 1994. – 175 с.
6. Добровольский Д. О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков (на материале немецкого, английского и нидерландского языков): автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Д. О. Добровольский. – М., 1990. – 40 с.
7. Каплуненко А. М. Семантические параметры фразеологических единиц (фразеологические единицы с переменными компонентами в современном английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Каплуненко. – М., 1977. – 22 с.
8. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин; [Лит. ред. М. Д. Литвинова]. – 5-е изд. – М. : Рус. яз. – 1999. – 944 с.
9. Кунин А. В. Фразеологизация и источники фразеологических единиц / А. В. Кунин // Словообразование и фразеобразование: Тез. докл. науч. конф. – М., 1979. – С. 146-149.
10. Мелерович А. М. К вопросу о языковых формах выражения фразеологической абстракции / А. М. Мелерович // Вопросы русского языка: Проблемы лексики и синтаксиса. – Ярославль, 1976. – Вып. XI. – С. 46-55.
11. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М. : Высшая школа, 1980. – 143 с.
12. Федуленикова Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Н. Федуленикова. – Северодвинск, 2006. – 35 с.
13. Федуленикова Т. Н. Универсальное и уникальное в семантической кодировке фразеологического денотата (на материале английского, немецкого и шведского языков) / Т. Н. Федуленикова // *Res Philologica: Ученые зап. Северодвинского филиала Поморского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова*. – Вып. 4 / Отв. ред., сост. Э. Я. Фесенко. – Архангельск, 2004. – С. 109-114.
14. Федуленикова Т. Н. Фразеологическая метафора: двойная дихотомия содержания и смысла / Т. Н. Федуленикова // *Когнитивная семантика: Сб. материалов второй международной школы-семинара*. – Ч. 2. – Тамбов : РАН, Ин-т языкознания, 2000. – С. 146-148.
15. Федуленикова Т. Н., Мартюшова Е. В., Боннемарк М. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Т. Н. Федуленикова, Е. В. Мартюшова, М. Боннемарк. – Архангельск : Поморский ун-т, 2008. – 167 с.
16. Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков / В. Н. Ярцева // *Проблемы языкознания: Докл. и сообщения сов. ученых на X Международном конгрессе лингвистов*. – М., 1967. – С. 203-207.

17. Ярцева В. Н. Сопоставительно-контрастивная лингвистика в СССР: Итоги и перспективы развития / В. Н. Ярцева // Филологические науки. – 1987. – № 5. – С. 3-12.
18. Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms. – Oxford : Oxford University Press, 1984. – 685 p.
19. Fedulenkova T. N. Phraseological Abstraction / T. N. Fedulenkova // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008 / T. N. Fedulenkova (ed.). – Arkhangelsk; Aarhus, 2009. – P. 42-54.
20. Friederich W. Moderne deutsche Idiomatik: Systematisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen / W. Friederich. – München : Hueben, 1966. – 823 S.
21. Görner H. Redensarten: Kleine Idiomatik der deutsche Sprache / H. Görner. – Leipzig : Bibliogr. Inst., 1982. – 262 S.
22. Malmström S., Györki I. Bonniers svenska ordbok / S. Malmström, I. Györki. – Stockholm : Sjögren, 1980. – 408 s.
23. Ordbok över svenska språket utgiven av Svenska Akademien – I 28 bd. –Lund : Gleerup, 1898-1981.

Summary. The paper deals with the comparative study of the main types of global semantic transformation of the component structure of the somatic and verbal phraseological units. The analysis is made on the basis of the three most spread modern Germanic languages – English, German and Swedish – and is targeted at finding out their interlingual phraseological co-relations.

Key words: typological phraseology, phraseological unit (PU), semantic transformation, component, Germanic languages.

Отримано: 25.07.2012 р.

УДК 821. 112. 2 – 343. 09

Г.В. Фоміна

НОВИЙ ПОГЛЯД НА ОБРАЗ МІФОЛОГІЧНОЇ ПАНДОРИ У ЛІТЕРАТУРІ ХХ СТОЛІТТЯ (НА МАТЕРІАЛІ П'ЄСИ П. ХАКСА)

У статті розглядаються особливості інтерпретації традиційних образів та сюжетів у п'єсі П. Хакса. Аналізуються тенденції трансформації міфологічної Пандори. Досліджується співвідношення ідеалу та дійсності, а також мистецьке розуміння міфу у сучасній літературі.

Ключові слова: міф, легенда, традиційний образ, міфологізм.

Історія розвитку людства пронизана численними катаклізмами та кризовими моментами. Неоднозначним із цієї точки зору, звичайно, є і ХХ століття. Знаковим для фомування світосприйняття та духовності є цей період для німецької нації. Великий вплив на її моральне становлення у цю епоху спричинили світові війни, а також категорія каяття визначена ними. Тому і не дивним є активне функціонування традиційних образів легендарно-міфологічних жінок у німецькій літературі. Оскільки, «у всіх глобальних і «приватних» конфліктах та протистояннях, що приголомшують людський світ, саме жінка, як правило, є потерпаючою стороною» [10, 81]. До неї звертаються як до уособлення споконвічної духовності, мудрості світу. Провідною тенденцією визначається руйнація усталеного схематизму поведінки традиційних образів жінок. Інакше кажучи, як підкреслює А.Є. Нямцу, «розробляючи традиційні структури, письменники намагаються наповнити початкову одномірність соціально-ідеологічними протиріччями людських характерів з їх декларативною різноманітністю, а іноді і полярністю мотиваційно-ціннісних спонукань» [9, 30], що визначає принципове вільнодумство світової літератури по відношенню до загальновідомих образів. Ці тенденції простежуються і в трансформації образу міфологічної спокусниці Пандори.

Суперечливість сприйняття жінки-звabниці і її скрині у світовій літературі пояснюється тим, що Пандора пов'язувалась, в першу чергу, з феноменом «обдарування», яке могло виступити як носієм добра, так і зла. Із розвитком образу Зевса в епоху патріархату до творця всіх речей семантичне забарвлення образу набуває негативного відтінку демонічної спокусниці та джерела усіх загальнолюдських нещастя («настільки ж нерозумної, злої та лінивої, наскільки